

До недавнего времени о связях Толстого с Африкой мы ничего не знали. Казалось, в те годы таких связей и не могло быть. Но научному сотруднику Государственного музея Л. Н. Толстого Александру Шифману удалось обнаружить в бумагах писателя ряд его малоизвестных высказываний об Африке, а также 60 писем, пришедших в Ясную Поляну с далекого знойного континента. Раскрылась новая страница биографии Толстого, неизвестная глава в истории русско-африканских культурных связей.

Толстой и Африка

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

А. ШИФМАН

Кандидат филологических наук,
лауреат премии имени Дж. Неру

ЗНАКОМСТВО Толстого с Африкой началось еще в 1848 году, когда он учился в Казанском университете, на отделении арабско-турецкой словесности.

Позднее, в годы службы на Кавказе, будущий писатель упомянул в своем дневнике о двух интересовавших его книгах об Африке. Первая из них — «Путешествие Александра Дюма в Тунис, Марокко и Алжир», обширные главы которой печатались в 1852 году в «Отечественных записках». Вторая, прочитанная Толстым в 1853 году, — двухтомное «Путешествие вокруг света. Воспоминания слепого» французского драматурга Жака Араго, — изданная в русском переводе в 1844—1845 годах. Араго сообщил много интересного об Африке, но, увлекшись описанием ее экзотики, он, как и другие его соотечественники, проявил пренебрежительное отношение к «чернокожим», описал их с высокомерием и заносчивостью европейца. Это чутко уловил молодой Толстой. Он записал в дневнике: «Путешествие Араго очень не понравилось мне. Оно проникнуто французской самоуверенностью как в ученом, так и в моральном отношении».

Вероятно, из этой книги Толстой сделал в дневнике ряд выписок. Среди них сведения о географических достопримечательностях — горе Тенериф на острове у северо-западного побережья континента, о мысе Доброй Надежды, о Столовой горе и др.

Эти редкие и скудные записи создают впечатление, что в ранний период его жизни Африка интересовала Толстого преимущественно со стороны географии и этнографии. Однако уже в одном из первых рассказов молодого писателя — «Люцерн» — мы находим горестное авторское раздумье об африкан-

цах, поработанных белыми колонизаторами: «Отчего эти люди (богатые европейцы. — А. Ш.), в своих палатах, митингах и обществах горячо заботящиеся о ...распространении христианства и образования в Африке, о составлении обществ исправления всего человечества, не находят в душе своей простого первобытного чувства человека к человеку?».

Ответ на этот вопрос Толстой дает несколькими годами позднее, в серии резко обличительных статей, направленных против западной буржуазной цивилизации, с ее эксплуатацией и угнетением бедняков, с порабощением отсталых народов. Буржуазный прогресс, утверждает он в статье «О народном образовании», выгоден небольшой кучке богачей, пользующихся его благами, но он обошел стороной целые континенты — миллионы людей, продолжающих жить в нищете и дикости.

В тот год, когда Толстой писал эти знаменательные слова, он учил крестьянских ребят грамоте в созданной им школе. Для своих учеников он сам написал «Азбуку», а позднее составил «Русские книги для чтения», в которые включил и рассказы о многих странах мира. Для этих книг был предназначен его очерк об Африке.

«В Африке есть такие земли, где никогда не бывает зимы. В этих землях никогда не бывает снега, вода никогда не мерзнет и дождика никогда не бывает. В этих землях так сухо и жарко, что ничего не растет: ни травы, ни деревьев. А везде только один песок. Жить можно там только подле рек. Подле рек бывает трава и деревья. И деревья эти целый год бывают зеленые».

В этих землях живут люди черные. Их называют неграми. Люди эти ходят всегда голые и живут без

домов, в шалашах. Шалаша они делают из веток и листьев. Едят они плоды с деревьев и сырое мясо зверей».

По неизвестной причине очерк остался незавершенным. Но заслуживает внимания самый замысел — рассказать детям о далеком, малоизвестном им континенте. Любопытно в этой связи вспомнить, что и действие другого рассказа из толстовской «Азбуки» — знакомого всем школьникам рассказа «Акула» — также происходит у африканских берегов.

Так сама жизнь время от времени обращала мысль молодого Толстого к Африке, хотя, разумеется, в этот период его внимание к ней еще не было ни постоянным, ни особенно пристальным.

Пережитый Толстым на рубеже 1880-х годов глубокий идейный перелом обострил его интерес к социальным проблемам эпохи, в том числе к проблемам колониализма и милитаризма.

Именно в это время усиливается борьба великих держав за передел мира. В 1881 году французы покоряют Тунис. Через год англичане овладевают Египтом. Бельгийцы, которые еще в 1876 году проникли в Конго, окончательно прибирают его к рукам, а немцы, истребляя целые племена, захватывают Западную Африку.

Лев Толстой, по-новому осмысливающий для себя все явления современности, ставит эти печальные события в ряд с другими уродствами собственнического мира и в своем трактате «Так что же нам делать?» (1882—1886 годы) резко обличает колониальную разбой и захватнические войны.

«Механика» колониализма, по Толстому, такова: «Живет народец в Африке, в Австралии, как жили в старину скифы, древлане. Живет этот народец, пашет, водит скотину, сады. Мы узнаем о нем тогда, когда начинается история. История же начинается с того, что наезжают завоеватели. Завоеватели же всегда делают одно и то же; отбирают от народца все, что только могут взять у него: скотину, хлеб, ткани, даже пленников и пленниц, и увозят с собой».

История колониальных авантур, утверждает Толстой, насчитывает много веков. Никогда, однако, формы грабежа в колониях не были столь бесстыдными и бесчеловечными. Милитаристские державы, не утруждая себя поисками других источников благополучия, устремляют свои помыслы к ограблению других народов. И делают они это двумя путями: «...обманом, то есть обменом большей частью ненужных и развращающих предметов, как алкоголь, опиум, оружие, на необходимые им предметы питания, и насилем, то есть грабежом народов Азии, Африки, везде, где они чувствуют возможность безнаказанно грабить».

В 1897 году, прочитав в газете статью об эксплуатации англичанами населения Южной Африки, Толстой записывает в дневнике: «Все это ужасно. Но — пришло в голову — может быть, это неизбежно нужно для того, чтобы к этим народам проникло просвещение...». — И тут же добавляет: «Какой вздор. Почему же людям, живущим христианской жизнью, не пойти просто, как Миклуха-Маклай, жить к ним, а нужно торговать, спаивать, убивать».

Подвиг русского ученого Н. Н. Миклухо-Маклая, прожившего много лет среди диких племен и своим гуманным отношением завоевавшего их любовь и дружбу, служил Толстому лучшим аргументом против «культуртрегерства» грабительского образца.

Одной из первых колониальных войн, которые при жизни Толстого развернулись в Африке, была

итало-абиссинская война 1895—1896 годов. Ее единственной причиной было стремление итальянского правительства расширить свои и без того огромные колониальные владения. Имея в виду этот и другие акты международного разбоя, Толстой в статье «Патриотизм или мир?» писал:

«За какое хотите время откройте газеты и всегда, всякую минуту вы увидите черную точку, причину возможной войны: то это будет Корея, то Памиры, то Африканские земли... Разбойничья работа ни на минуту не прекращается, и то здесь, то там, не переставая, идет маленькая война, как перестрелка в цепи, и настоящая, большая война всякую минуту может и должна начаться».

Выход из бедственного положения писатель-гуманист видит в изменении преступного миропорядка.

«Существующий строй жизни подлежит разрушению, — размышляет он в марте 1895 года в письме к австрийскому литератору Эугену Генриху Шмиту. — ...Уничтожиться должен строй соревновательный (то есть строй капиталистической конкуренции. — А. Ш.) и замениться должен коммунистическим; уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим; уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитражем».

Эти свои мысли Толстой излагал в годы итало-абиссинской войны и многим другим своим корреспондентам, его письма широко публиковались в мировой печати. А когда в марте 1896 года до России дошла весть о разгроме итальянцев под Адуа и полной победе абиссинцев, он с чувством облегчения взялся за перо, чтобы осмыслить происшедшее и сделать из него необходимые выводы.

«Случилось то, — писал он в неоконченной статье «К итальянцам», — что в Абиссинии убито и ранено несколько тысяч молодых людей и потрачено несколько миллионов денег, выжатых из голодного, нищенского народа. Случилось еще то, что итальянское правительство потерпело поражение и унижение».

Весь собственнический мир, утверждает писатель, охвачен лихорадкой милитаризма. Нет ни одного крупного государства, которое бы не вооружалось, не готовилось к нападению на другое государство, особенно на беззащитные народы Азии и Африки. «Неужели», — с болью восклицает Толстой, — никогда не опомнятся народы от того ужасного обмана, в котором их поддерживают для своих выиграных правительств и правящие классы? Неужели год правительства и правящие классы? Неужели нужны еще ужасные и братоубийственные войны, к которым готовят теперь правительства и правящие классы все европейские и американские народы?»

Во время итало-абиссинской войны были случаи, когда итальянские солдаты переходили на сторону борющихся африканцев. В самой же Италии разоренные поборами крестьяне, несмотря на репрессии, отказывались платить военные налоги. Толстой горячо приветствует подобные действия и пропагандирует их как «самое простое», что должен делать итальянский и другие народы, стонущие под игом своих империалистических правителей. «...Первое — не участвовать в военных приговорах, не давать денег правительству, а, главное, самим не идти в военную службу...» — таков призыв Толстого ко всем простым людям земного шара.

К неповиновению колонизаторам, к решительной борьбе против международного разбоя Толстой призывал и в период англо-бурской войны, и во время других войн и колониальных авантур, которые в это время разыгрывались в Африке.